

До конца года и начала нового, 1946 года — до сих пор непривычно, что я в прошлом, я не только уделял внимание исследованиям, но и отдыхал. Если постоянно работать, взгляд замыливается, ты заикливаешься на одном и том же и можно пропустить нечто действительно важное. Например, Рейвен. Впрочем, я сочетал приятное с полезным, посещая вместе с ней террариумы, зоопарки, океанариумы и остальные места с животными, где я искал материалы для исследований. Но больше всего ей понравилось кататься на лошади на лошадиной ферме — я туда заглянул под конец исследований, потому что, ради шутки, решил сделать один из вариантов моего искусственного человека «истинным арийцем», используя ген кремелло, кодирующий цвет шерсти у лошадей изабелловой масти. Видя, как не хочет девочка отрываться от лошадей, я пообещал, что, когда она подрастёт, то у неё, если не передумает, будет своя конеферма.

Во время первой прогулки по зоопарку у нас состоялся запомнившийся мне диалог.

— Чарльз, они ведь несчастны, да? — Спросила у меня Рейвен, обведя рукой печально выглядящего красавца снежного барса и остальных животных.

— Те, что были пойманы, скучают по свободе. А те, что родились здесь не видели иной жизни, кроме этой, поэтому не могут тосковать по воле. Просто не знают каково это. Хотя люди их часто раздражают своим смехом, криками и бросками едой. — Ответил я после секундного чтения мыслей окружающих зверей.

— Но зачем люди это делают? Им же плохо! — Огорчилась девочка, на что я ее приобнял, купил нам по рожку ванильного мороженого с клубничным сиропом, и, сев на скамейку с ней, начал рассказывать.

— Причин множество, но основные — три. Первая, это интерес. Тебе же интересно наблюдать за всеми этими необычными зверюшками, которых ты никогда не увидела бы в обычной жизни? — Я откусил немного мороженого, задумчиво прожевав эту холодную сладость, а Рейвен мне кивнула, соглашаясь с моими словами. — Вторая причина, в сохранении популяции. Видишь ли, мы, люди... ну или не совсем люди, вначале почти истребляем то, чего боимся или то, что можем использовать в свою пользу, будь то шкура, мясо или шерсть. А потом пытаемся это сохранить, хотя проще это было бы сделать ранее, не переходя границ. Увы, люди — существа крайностей, и редко кто готов остановиться на полпути.

— А третья? Какая третья причина? — стала теребить меня за рубашку девочка, когда я непозволительно надолго задумался, вспоминая крайности канонного Чарльза и Кирилла — альтруист и разрушитель. Как бы мне самому не скатиться в одну из них или какую-то свою.

— А третья — тщеславие. Человека тешит его мнимое превосходство над всеми зверьми. Он считает себя королем, повелителем планеты, хотя на деле имеет на нее не больше прав, чем блоха на собаку, только по той причине, что живет на ней. Вот посмотри на этого красавца. — Я указал рукой в сторону зевнувшего в этот момент ирбиса — Открой клетку и все те, кто сейчас тычет в него пальцами, снимают на камеры, смеются и бросаются едой, с громкими криками разбегутся в стороны, испачкав свои штаны. Человек не король, а, за редким исключением, трусливое существо, нападающее только когда у него есть техническое,

количественное или какое-то иное превосходство. Ну, или когда нет выбора. В этом его сила и в этом его слабость. И слабость превращается в силу только тогда, когда осознаешь свои недостатки, а не кичишься достоинствами, мнимыми или реальными.

— Теперь я поняла, почему ты не хочешь раскрываться перед людьми. — С тоской в голосе сказала Рейвен, выслушав мой монолог. А я ведь говорил уже об этом ранее. Не поверила или пропустила мимо ушей?

— Да, именно поэтому. Люди во многом слабы, это верно, но и недооценивать их не стоит. Пока таких как мы, мутантов, мало, они будут спокойны только тогда, когда мы будем в клетках, как эти животные вокруг, выдрессированы как в цирке, или уничтожены, если, по их мнению, будем представлять опасность. Поэтому мы должны стать сильнее, найти союзников и только тогда, когда с нашей силой придется считаться всем, можно будет раскрыться. — Погладил я ее по голове, пропуская нежные, будто шелковые волосы между пальцев, наслаждаясь их мягкостью.

— Но ты же можешь им... Как ты там говорил? Промыть мозги? — Хорошо, что я пассивно отвожу взгляд от нас, и никто не услышит этот разговор.

— Это — не панацея. — В сердце укололо от пришедших воспоминаний о доброй девушке из прошлой жизни, но я быстро подавил свои эмоции и продолжил. — Я не могу промыть мозги всем подряд, а именно это и придется делать при нашем преждевременном раскрытии. И искусственные изменения личности, не решение всех проблем, они сказываются на человеке, отупляют его, могут свести с ума, слететь с сильного волей человека или, в конце-концов, даже убить. А что делать, когда люди найдут способ защититься от моей телепатии? Заметь, я говорю — не если, а когда. В способности правительств находить решение, когда от этого зависит их богатая жизнь и власть, я не сомневаюсь. — И на этом мы продолжили прогулку, вот только взгляды красавицы на животных, сменились с радостных и веселых на задумчивые.

Но даже такие разрядки начали терять свою эффективность. Поэтому я волевым усилием устроил сам себе отпуск, отправившись вместе с Рейвен на Гавайи, чтобы единственное, что меня волновало ближайшие три недели — не очередные эксперименты, исследования и анализы, а какой сок взять с собой на шикарный песочный пляж и какие плавки надеть — с цветочками или формулами.

— Чарльз, Чарльз! Это море ведь, да?! Такое синее! — Радостно жестикулировала Рейвен, восхищенно смотря на голубую линию горизонта вдаль, когда мы только вышли из самолета, все время полета которого эта соня спала у меня на плече.

— Нет Рейвен, это гораздо лучше, чем море. Это океан! — Девочка не могла усидеть на месте и ее любопытство и радость можно было будто потрогать руками.

— А я смогу плавать как дельфин! Смотри! — И ее рука стала превращаться в плавник. Хорошо, что я по привычке всегда держу отвод глаз.

— Рей, прекрати, никто не должен знать о наших способностях. Забыла уже наш разговор? — возмутился я, больше изображая негодование, чем действительно его чувствуя.

— Ну и что, нас же все равно никто не видит! — И эта чертовка показала мне язык.

— Видят, просто никто не обращает внимания. А если кто-то случайно сфотографирует нас, а я не замечу? В его мыслях ведь нас не будет. — Не дослушав меня, Рейвен побежала от меня к океану, радостно смеясь. А я даже немного начал понимать тех, кто помогает воспитательному процессу ремнём. Хотя, разумеется, телесные наказания для детей та ещё глупость, вызываемая собственной беспомощностью и несостоятельностью родителей, и нежеланием потратить время для нормального воспитания ребёнка. А ещё, помимо проявления педагогической некомпетентности, такой подход вредит развитию личности человека и учит детей неправильному отношению ко многим вещам в жизни, включая авторитет воспитателей, насилие и унижение. В конце концов, кому как не мне это знать. И, из-за последнего — из-за того, что я, в своём роде, специалист по человеческим умам — для меня подобные меры не только неприемлемы, но даже губительны. Поэтому пороть нельзя, хотя порой очень даже хочется. Эх.

— Нууу, опять ты начал бурчать. Прямо как старикан какой-то! — Ответила она на бегу. Черт, меня раскрыли!

— Рейвен, я бурчу не потому, что хочу тебя отругать, а потому что беспокоюсь о тебе. А самое главное — не принимай больше облик зверей в кровати, я тогда чуть богу душу не отдал. — Возмутился я и побежал за убегающей от меня девочкой.

— Аааа, испугался! Чарльз испугался! — Стала дразнить меня Рейвен, когда я ее поймал. Но при этом, только делала вид, что пытается выбраться из объятий.

— А кто бы не испугался? Просыпаюсь — а под боком пантера лежит и урчит как трактор! — И сделал вид, что обиделся, отпустив её и отвернувшись. Я на самом деле чуть в штаны не наложил, увидев перед собой морду большой кошки, в пасти которой моя голова полностью поместится. Чуть телекинезом не приложил со страху. К счастью, успел проверить мысли и понял, что это на самом деле Рей, как я стал с недавних пор сокращать ее имя.

— Чарльз, не обижайся, ну. Я же извинилась!

...

— Чарли, прости меня, я больше так не буду!

...

— Я все-все буду делать как ты сказал, только не обижайся. Ты ведь единственный мой друг и ты... нравишься мне, вот! — И покраснела как маленькая помидорка. Я давно знаю, как она ко мне привязалась и, что она влюблена в меня. Да и я к ней неравнодушен. Но, к сожалению, пока это просто подростковая, хрупкая влюбленность. Кто из нас в юности не влюблялся в самую красивую девочку или мальчика? Тут похожее, только с добавлением привязанности и благодарности лично ко мне, и я собираюсь сберечь и взрастить эти чувства, поэтому как спешить, так и тормозить нельзя.

— Ты мне тоже нравишься, любимая. — Одного невинного поцелуя в губы ей хватило, чтобы весь остаток дня молчать, смущаться меня и ходить с глупой улыбкой, приложив руку к губам. В этот момент даже моя кастрированная эмпатия взбесилась от таких смешанных и сильных эмоций девочки.

Отпуск проходил замечательно. Мы гуляли в обнимку по небольшому, но забронированному только для нас, острову, наслаждались экзотическими фруктами, загорали и плавали. Загар на Рей держался только до первого превращения, а в истинной форме смысла загорать тем более не было, вот только ей это неожиданно понравилось — видимо, сказывается небольшая наследственность от рептилий. В плавании девочка также лидировала, превращаясь в дельфинов, тюленей, акул и прочих обитателей океана. Потрясающий потенциал метаморфизма, а ведь Рейвен и не задумывается насчет того, что ей нужно дышать под водой, полностью копируя внутреннюю структуру. Какая-то разновидность биосканера? Подумаю об этом потом. Мне надоело проигрывать в играх на воде, так что я просто начал двигать себя телекинезом, окружив себя щитом, за что меня обозвали обманщиком и притворно на меня обиделись, коварно замыслив в качестве извинений получить поцелуй. Хорошо быть телепатом. И как обычные мужчины могут встречаться с женщинами без такой полезной функции?

— Рей. — Спросил я в конце отпуска, когда мы лежали вместе на кровати в нашем арендованном бунгало.

— Ммм? — Высунулась милая взлохмаченная красная головка. Тут можно и не прятать свой облик.

— Что ты хочешь от жизни? — Спросил я, любуясь красотой ее лица и представляя каким в будущем будет это, пока ещё совсем юное создание.

— Я хочу быть с тобой, всегда — И она смущённо клюнула поцелуем меня в щёку рядом с краем губ, а затем прижалась ко мне всем телом.

— Я польщен этим, и я тоже хочу этого. Однако я имел ввиду чем ты хочешь заниматься, когда подрастёшь, на кого хочешь учиться? — Спросил я с неохотой немного выбравшись из её объятий.

— Ммм, тогда я хотела бы быть полезной тебе. — я уже хотел ее перебить, но Рей продолжила.

— Не то, чтобы у меня не было увлечений. Я люблю рисовать, кататься на лошадях, животных разных, но ты все это мне и так не мешаешь делать, не ущемляя ни в чем. А знания... ты их мне даёшь больше, чем мог бы дать кто-либо другой, учишь меня своими странными методами, тренируешь. Чарльз, я влюбилась в тебя именно за это — ты дал мне всё, свою доброту, нежность, заботу и тепло, ничего не требуя взамен. Так ко мне не относились даже родители до моей... мутации. Так что теперь ты для меня всё! — Вот так всегда с ней. То ведет себя как ребенок, а то рассуждает необыкновенно здраво.

И я поцеловал ее, что было единственным правильным ответом в этой шахматной партии под названием жизнь. Я мог бы убедить ее, что так нельзя, что она должна хотеть что-то еще, но зачем? Хочу ли я ее отпускать? Нет. Нравится ли мне ее любовь? Определенно. Люблю ли я ее? Однозначно да. Пусть она будет моей крайностью.

<http://tl.rulate.ru/book/30814/660598>